

В.И. Аннушкин

М.В. Ломоносов и риторики петровского времени

Источники ломоносовских «Краткого руководства к риторике» (1743)¹ и «Краткого руководства к красноречию» (1747)² еще недостаточно изучены. В примечаниях к этим сочинениям, опубликованным в ПСС, говорится об отсутствии «прямых документальных данных о том, что побудило Ломоносова приступить к составлению <...> первого варианта Риторики и как протекала работа над ним» (с. 790). Тем не менее высказывается достаточно предположений относительно прямых или косвенных предшественников (источников) ломоносовского творчества. Эти источники классифицируются следующим образом: 1) русские источники образовательных знаний молодого Ломоносова (см. об этом, в частности, работы Г.Н. Моисеевой³); 2) источники, которые Ломоносов изучал в период учебы в Славяно-греко-латинской академии и на Украине; 3) иностранные источники, ставшие известными Ломоносову в зарубежной поездке в 1736—1739 гг.

При относительной изученности текстов, на которые ориентировался М.В. Ломоносов, обнаруживается парадоксальная картина: именно риторические руководства пользовались наименьшим вниманием исследователей. Не исключено, что это происходило вследствие недостаточного внимания к риторике вообще и отождествления ее с поэтикой. Например, не случайно «Краткое руководство к риторике» было переименовано в «Краткое руководство к красноречию» — Ломоносов и далее будет настойчиво работать над формированием основной терминологии «словесных наук» (прежде всего риторики).

Г.Н. Моисеева подробно описывает книги, которые мог знать Ломоносов. В частности, она указывает на знакомство «юного Ломоносова с Соловецкой библиотекой», где хранились многие учебные книги XVI — начала XVIII в., а среди них «три учебника риторики с пометами, свидетельствующими, что по этим книгам велось преподавание в Славяно-греко-латинской академии». Исследовательница высказывает предположение о том, что «желание учиться именно в Москве в Славяно-греко-латинской академии у Ломоносова созрело под влиянием этих

учебных книг, просмотренных им в Соловецкой библиотеке»⁴. Заслуживает внимания и предположение о том, что «в 40—50-х годах Ломоносов пользовался копиями соловецких рукописей, которые привозили земляки, навещавшие его в Петербурге»⁵.

Однако специального анализа учебной литературы Г.Н. Моисеева не предпринимала — ее более интересовали источники для ломоносовской «Истории». Наш источниковедческий поиск русских рукописных риторик прямо указывает на Соловецкий монастырь как на место сосредоточения списков первой русской Риторики 1620 г. (б списков!) с черновиком создателя пространной редакции 1622 г.⁶ Не исключено, что Ломоносов был знаком как с копиями риторик, переписанных выговскими старообрядцами, так и с их самостоятельным трудом — «Риторикой в 5-ти беседах» 1706—1712 гг.⁷

Наконец, с 1731 г. Ломоносов — студент Славяно-греко-латинской академии (в 1734 г. — «школы риторики ученик») — в период обучения пользовался библиотекой Московского печатного двора, или так называемой Типографской библиотекой, в которой «сосредоточено было большое собрание рукописей»⁸. Как известно, Типографская библиотека сейчас содержится в двух основных хранилищах: часть составляет фонд Синодальных рукописей ГИМ, другая — библиотеку Синодальной типографии и фонд старопечатных книг РГАДА. И тот и другой фонды богаты русскими рукописными риториками⁹, которые не изучались с точки зрения их возможной соотнесенности с трудами Ломоносова. Исключение составляют лишь исследования В.П. Вомперского, которого более всего интересовало происхождение теории трех стилей¹⁰.

Широкую известность и постоянные ссылки в научной литературе имеет конспект лекций преподавателя риторики Славяно-греко-латинской академии Порфирия Крайского, записанный Ломоносовым с 1733 по 17 октября 1734 г., однако при том, что В.П. Вомперский опубликовал в переводе главу «О способе выражений» (иначе о трех стилях)¹¹, сочинение Крайского не имеет в науке полного описания и ждет еще своего исследования.

Зарубежные источники перечисляются в Приложениях к «руководствам» в ПСС: это труды И.А. Гартмана, чей курс римского красноречия Ломоносов слушал в Марбурге, а также «трактаты по риторике Лонгина (в переводе Буало), Коссена, Помея и Готшеда, которого, как и Лонгина, Ломоносов конспектирует» (с. 790—791). В сносках публикаторы делают ссылки на два учебника: Коссена (1681) и Помея (1681), причем все

сноски касаются не теоретических заимствований, а примеров, которые были достаточно распространены и могли быть взяты из других источников. Так, один из примеров «ответствования», «когда сочинитель сам себе на свой вопрос отвечает», традиционно брался из речи Цицерона: «Бил ли тебя Семпроний? — И притом безвинно». «Убил ли ты человека? — Разбойника» (с. 264). Этот пример имеется не только у Коссена, но и в первой русской Риторике 1620 г., бывшей переводом Риторики Ф. Меланхтона: «мне ли убить человека? — не убию; мне ли обмануть кого? — не обманю» (ГИМ, Синодальное собр., № 933, л. 451). Сопоставления текстов зарубежных источников и руководств Ломоносова не проводилось.

Обратимся теперь к риторикам петровского времени, тексты которых показались нам столь близкими ломоносовским руководствам, что нельзя было не заняться их сопоставлением. К сожалению, риторики Софрония Лихуда (в переводе Козмы Афониеверского 1698 г.), Михаила Усачева (1699), Андрея Белобоцкого (не менее трех риторик с середины 90-х годов XVII в.), Стефана Яворского (в переводе Ф. Поликарпова 1705 г.), Козмы Афониеверского (1710), Старообрядческая Риторика в 5-ти беседах (1706—1712) получили крайне фрагментарное описание. Два наиболее авторитетных исследования русских риторик, выполненных В.П. Вомперским и А.С. Елеонской¹², нуждаются в серьезных дополнениях для того, чтобы представить полное и точное знакомство с содержанием науки риторики в петровское время.

Наиболее показательна Риторика Михаила Усачева (1699). Д.С. Бабкин уверенно высказал и внушил последующим исследователям мысль о том, что сочинение [Михаила] Усачева — расширенная переработка первой русской Риторики 1620 г.¹³ В.П. Вомперский заинтересовался в Риторике Усачева главой о трех стилях речи («родах глаголания»), которую и опубликовал после соответствующей главы из Риторики 1620 г.¹⁴ Краткое описание Риторики М. Усачева в известной монографии В.П. Вомперского слишком ограничено вопросами стилей речи — «родов глаголания», которые на самом деле занимают крайне малое место по сравнению с другими разделами¹⁵.

Кроме того, в последнее описание В.П. Вомперского вкрались ряд неточностей:

1) исследователь пишет о том, что Риторика Усачева состоит из двух книг: «О изобретении дел» и «О украшении слова»¹⁶. Однако это — названия книг первой русской Риторики 1620 г.;

2) В.П. Вомперский приводит определение риторики Усачевым: «Риторика есть художество, яже учит слово украшати и увещевати». Однако это — начало главы о риторике из «Книги избранной вкратце о девяти мусах и о седмых свободных художествах» Николая Спафария¹⁷ — эта глава стала предисловием к Риторике М. Усачева подобно тому, как глава о риторике из «Сказания о седми свободных мудростях» стала предисловием к Риторике 1620 г. Возможно, В.П. Вомперский повторил ошибку А.И. Соболевского, который описание «некоей риторики без названия» (это была Риторика Усачева. — В.А.) начал теми же словами: «Похвала и сказание о разуме ея... (нач.) Риторика есть художество...»¹⁸. На самом деле Риторика Усачева начата словами: «Что есть риторика? Риторика есть наука доброе, красно и о всяких вещех прилично глаголати» (ГИМ, собр. Щукина, № 803, л. 4 об. — далее все цитаты по этому списку).

Риторика Усачева известна нам в настоящее время в 14 списках. Предполагая посвятить описанию этого сочинения отдельное исследование, остановимся только на трех его частях, которые прямо соотносятся с руководствами М.В. Ломоносова. При этом речь придется вести именно об обоих вариантах ломоносовских риторик (далее Лом-1743 и Лом-1747), наблюдая развитие мысли великого ученого.

1. Ломоносовское определение риторики почти целиком (!) совпадает с определением риторики у Михаила Усачева, являясь как бы синонимическим переложением последнего. Ср.:

<u>Усачев-1699</u>	<u>Лом-1743</u>	<u>Лом-1747</u>
Риторика	→ Риторика	→ Красноречие
есть	→ есть	→ есть
наука	→ наука	→ искусство
о всяких вещех	→ о всякой предложен- ной матери- и	→ о всякой данной материи
добре, красно и прилично	→ красно	→ красно
глаголати (л. 4об.)	→ говорить и писать... (с. 23)	→ говорить. (с. 91)

Определение Ломоносова в первом варианте 1743 г. дополняется словами: «Кто есть оную избранными речими представлять и пристойными словами изображать на такой конец, чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить». Очевидно, ломоносовские качества словесной «избранности» и «пристойности» соответствуют в определении Усачева словам

«доброе... и прилично». Изменение Ломоносовым во втором варианте «риторики» в «красноречие», «науки» в «искусство» связано с принципиальным формированием терминологии «словесных наук», которую ученый предпринял именно во втором варианте 1747 г. (об этом мы скажем особо в конце статьи).

2. Далее у Ломоносова в первом варианте 1743 г.: «Кто в сей науке искусен, тот называется ритор» (с. 23). На наш взгляд, эти слова также имеют ассоциации в предшествующих риториках, только не у Усачева, а в первой русской Риторике (1620), где также сразу после определения риторики в ответе на вопрос «Что есть ритор?» сказано: «Ритор есть... который бо человек зело в науце речения хитр был...» (ГИМ, Синод. собр., № 933, л. 375 об.—376). Очевидно, что и здесь творческое новаторство Ломоносова состояло в изобретении современных слов-синонимов и изменении синтаксической конструкции. Смысл же в целом не изменился:

Риторика-1620

Ритор есть...	→ ...тот называется ритор.
который бо человек	→ Кто
зело в науце речения	→ в сей науке
хитр был	→ искусен

Лом-1743

3. Подобное сходство можно заметить у Ломоносова в самом начале «книги 1-й, содержащей риторику» с «Книгой избранной вкратце о девяти мусах и о седмых свободных художествах» Николая Спафария (1672—1674). Оба раздела начаты определением риторики (здесь Ломоносов самостоятелен в ясном различении понятий **риторика** и **красноречие**), а затем совпадают толкования происхождения слова «риторика»:

Н. Спафарий-1672

Риторика есть художество, яже учит слово украшати и увещевати. Риторика происходит от еро гречески, сиречь глаголю, или от рео гречески, сиречь теку

Лом-1747

§ 1. Риторика есть учение о красноречии вообще. Имя сея науки происходит от греческого глагола *ρέω*, что значит говорю, лью или теку (с. 31).

Ломоносовское объяснение слова «риторика» включает оба значения, имеющиеся у Н. Спафария, но в обобщенном и более точном представлении.

Наиболее примечательными в больших кусках текста являются:

4. Композиционное сходство сочинений Ломоносова и Усачева.

5. Совпадающее содержание «вступлений», где изложены одни и те же «средства к приобретению красноречия».

Риторика Усачева представляется сочинением не только сложно разветвленным, но и трудным для описания, поскольку главы не везде были первоначально пронумерованы, а начала «книг» также не обозначены достаточно ясно. Не имея возможности дать здесь полное описание Риторики М.Усачева, извлечем из нее лишь то, что может иметь отношение к сочинениям Ломоносова.

Первый вариант М.В.Ломоносова 1743 г. имеет (кроме обращения к Петру III) краткое вступление (§ 1—5) и 4 «части» (изобретение; украшение, расположение, произношение). Второй печатный вариант М.В.Ломоносова 1747 г. содержит переработанное «вступление» к «руководству» в целом и «книгу 1, содержащую риторику», которая включила 3 расширенные «части»: изобретение, украшение и расположение.

Риторика Усачева содержит вступление (определение и 6 «глав»); книгу первую «О описании изобретения» (29 глав с описанием общих мест); книгу вторую «О расположении» (четыре части речи: начало, повесть, утверждение, заключение — с описанием трех родов речи: показательного, разсудительного и судебного); затем следуют разделы: «О расположении доводов»; «О красноглаголании» с описанием тропов и фигур; краткие главы «О памяти», «О произношении».

Каждому из ломоносовских руководств, как и «Риторике» М. Усачева, предшествует краткая вступительная речь, причем в «Кратком руководстве к риторике» 1743 г. и «Риторике» М. Усачева эта часть никак не названа, а в «Кратком руководстве к красноречию» 1747 г. названа «Вступление». «Риторика» Усачева начата определением, которое, как показано выше, сходно с определением Ломоносова. Сопоставление вступлений в руководствах Ломоносова с соответствующим вступлением Усачева показывает, что Ломоносов, если и знал их, то творчески перерабатывал.

§ 2 в Лом-1743 касается «материи риторической», которая «есть все, о чем говорить и писать можно». В Лом-1747 это будет заключительное пятое «средство приобретения красноречия». Лишь отчасти этот параграф соответствует главе I у Усачева, где говорится о «вопросении сугубом», которое бывает «неопределенным» ($\thetaέσις$) и соответствует общей постановке вопроса, темы («всякий ли человек по естеству разумети хочет?») и

«определенным» ($υπόθεσις$), т. е. соответствующим конкретной разработке темы: «правдою ли Сократис по естеству разумети хочет?» (л. 6). Усачевское «вопросение» в сущности соответствует теме, предмету, «материи» речи, о чем говорится у Ломоносова, уже по-новому решающему эту проблему. Как выяснится далее, ломоносовское рассуждение о «материи» можно будет прямо соотнести с рассуждением о «веществе» риторики у Козмы Афонаинверского в начале Риторики 1710 г.

Следующий § 3 в Лом-1743 продолжает предшествующую тему о «материи», которая составляет три рода речи: «указательный, советовательный, судебный» (с. 23) — то же в повествовании у Усачева: «Определенных вопросений, сиречь дел роды, суть три: показательный, разсудительный и судебный» (л. 6об.). Совпадают последовательность в перечислении «родов» и отчасти стилистика их определений:

Усачев-1699

Показательный род есть им же хвалим или хулим лица, вещи, дела...

Разсудительный род есть иже содержит в себе советование и отсоветование...

Судебный род есть им же обвиняем или оправдаем кого... (л. 6 об.—7 об.).

Лом-1743

Указательный состоит в похвале или в охулении,

советовательный в присоветовании или отсоветовании,

судебный в оправдании или в обвинении (с. 23—24).

Далее Ломоносов в § 4 пишет о различии между «прозой» и «поэмою», указывая на виды словесности, с которыми соотносятся проза («проповеди, гистории и учебные книги») и поэзия («ода и других родов стихи»). Этот параграф полностью самостоятелен, а следующий § 5 указывает лишь на «четыре части» риторики: «первая есть изобретение, вторая — украшение, третия — расположение, четвертая — произношение» (с. 24). Именно «О частях риторики» — следующая глава (2-я) у Усачева: «Части риторики суть пять: изобретение, расположение, излаголование, память, произношение» (л. 8).

Обратим внимание на сходство ломоносовской терминологии более с М. Усачевым и С. Яворским, нежели с другими авторами по следующей выписанной последовательности в разных учебниках:

С. Лихуд-1698

1. обретение
2. изложение
(разположение)
3. красноглаголание
4. память
5. произношение

Старообр. Риторика
1706—1712

1. изобретение
2. чиноположение
3. изречение
4. память
5. проповедь

М. Усачев-1699

1. изобретение
2. расположение
3. изглаголание
4. память
5. произношение

Козма Афон-
иверский-1710

1. обретение
2. сочинение
3. сказание
4. память
5. произношение

С. Яворский-1705

1. изобретение
2. расположение
3. краснословие
4. память
5. произношение

Лом-1743

1. изобретение
2. украшение
3. расположение
4. произношение

Второй печатный вариант ломоносовской риторики «Краткое руководство к красноречию» (1747) был переделан следующим образом:

§ 1 остался определением названия руководства («Красноречие есть искусство...»);

§ 2—7 явились нововведениями, касающимися пяти «средств приобретения красноречия»;

§ 8—9 — отредактированный вариант Лом-1743 (§ 4), где говорится о «прозе и поэме» — двух видах «изображения слова»;

в § 10 рассуждение о «частях риторики» заменено классификацией «словесных наук», куда вошли «риторика (учение о красноречии вообще), оратория и поэзия» (с. 91—97).

Нововведенные Ломоносовым в § 2—7 «средства приобретения красноречия» оказались повторением почти в той же последовательности глав 3—6 вступления к «Риторике» М. Усачева, где говорится «О вещах, ими же улучаем части риторики» (л. 8 об.). Последовательность в описании «вещей» = способов к «улучению», т. е. освоению риторики, почти та же, что в ломоносовских «средствах приобретения красноречия»:

Усачев-1699

Сия части (риторики) четырьми вещами улучаем: естеством, наукою, частым поучением и подражанием (л. 8 об.).

Лом-1747

К приобретению оного (красноречия) требуются пять следующий средств: первое — природные дарования, второе — наука, третие — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук (с. 92).

Сопоставим дальнейшее развитие мысли у обоих авторов. Усачевское «естество» соответствует ломоносовским «природным дарованиям», причем Усачев начинает объяснение со слов: «Естеством улучаем, егда естество придает нам в душе и в теле ко восприятию риторики». — Ломоносов: «Природные дарования разделяются на душевые и телесные». Далее Ломоносов самостоятелен в выделении среди душевых дарований «остроумия и памяти», но вот сопоставление «даров тела» и «природных дарований»:

Усачев-1699

Дары тела от естества суть удобная сия: **перси крепкия, громогласие**, язык свободный, уст и всего тела пристроеие (л. 9).

Лом-1747

Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии ... очень надобны (с. 93).

Активность творческой мысли Ломоносова очевидна, ибо каждый параграф несет новую информацию как в содержании идей, так и в стиле выражения — таковы, например, требования к «науке» и «правилам», которые должны быть «кратки», «порядочны», «удовольствованы примерами». Но очевидно, что он имеет в виду предшествовавшие учебники, которые, может быть, и не лежат перед его глазами, когда он пишет свое руководство, но в самом тексте Ломоносов постоянно как бы «проговаривается» относительно своего знания этих учебников и прежде всего Риторики Усачева. Вот и здесь начало следующего параграфа о «подражании авторов, в красноречии славных» относится с началом главы у М. Усачева:

Усачев-1699

Придается науке и частое употребление риторики, еже толико нужно есть всем наукам, елико нуждное есть управление нив земледельцам... (л. 10 об.).

Лом-1747

Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащимся едва ли не больше нужно, нежели самые лучшие правила (с. 94).

У Усачева после «науки» следуют «частое употребление» и «подражание», у Ломоносова после «науки» — «подражание» и «упражнение в сочинении», но эта перестановка не меняет сущности дела. Очевидно, что Ломоносов следует той же схеме и даже его пятое «средствие» — «знание всех наук» («материя рито-

рическая есть все, о чем говорить можно») соответствует главе 2 Усачева о «вопрошении» как проблематике, тематике всех существующих речей и способах их разработки.

Возможно указать еще на ряд реминисценций, которые появились в тексте Ломоносова не без влияния Усачева. Такова метафора учения-«семени», перешедшая из главы об «употреблении» у Усачева в параграф «душевных дарований» у Ломоносова:

Усачев-1699

Придает науке и частое употребление риторики, еже толико нужно есть всем наукам, елико нужное есть управление нив землемельцам, ... ибо аще землемельцы не управляют нивы, нива, дением и непотребным исполненная зелием, не бывает удобная посевенных на потребу человеком издавати семене (л. 10об.—11).

Рамки отдельной статьи, как и объем материала, не позволяют показать еще многие, перекликающиеся между собой места текстов известных «руководств» Ломоносова и, к сожалению, недостаточно изученных и неопубликованных текстов петровских риторик. Так, в сущности, неизвестной остается одна из лучших риторик петровского времени — Риторика Козмы Афонаиверского (1710), по непонятным причинам не получившая описания ни у В.П. Вомперского, ни у А.С. Елеонской. Между тем грек Козма Афонаиверский, переведший в 1698 г. Риторику Софрония Лихуда, написал позднее самостоятельное и яркое руководство как по идеям, так и по стилю изложения.

Так, окончание ломоносовского определения риторики в Лом-1743 («чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить»), а в Лом-1747 «и тем других преклонять к своему об оной мнению» перекликается с главой 3 у Козмы Афонаиверского, где говорится о «деле» и «конце» (цели) риторики: «Риторики дело есть еже обрести и глаголати ритору вся потребная ко еже препрети и понуждати слышателя к своей мысли. Конец еже препрети слышателя и привлещи к своей воли» (РГБ, ф. 310, № 245, л. 12 об.—13).

Но и следующий далее текст Козмы о всеобщности риторического «вещества» и необходимости познания наук — прямая перекличка с последующим § 2 у Ломоносова в руководстве 1743 г.:

Козма-1710

Вещество же подлежащее сея суть вся видимая и невидимая или умная в круглоконечном мире и превыше небес. Тем же ритору должно многая вещь всяких видети, слышати, чести и знати, и тако, пучину вещей ведения в персех имея и каноны риторики храня, никогда же в мире оскудеет благоречия (л. 12 об.—13).

Лом-1743

Материя риторическая есть все, о чем говорить и писать можно, то есть все известные вещи на свете, откуда ясно видеть можно, что ритор, который большее познание имеет настоящего и прошедшего света то есть искусен во многих науках, тот изобилльнее материи имеет к своему сладкоречию (с. 23).

Сделанный нами анализ коснулся пока только вступительной части риторических руководств Ломоносова. Однако если обратиться к последующим частям, то увидим, как при сохранении предшествующей риторической традиции Ломоносов делает значительные содержательные и стилистические новации. Два примера:

1. В части «Изобретение» Ломоносов при создании простых идей предлагает пользоваться 16 «риторическими местами». В Риторике М. Усачева этот раздел усложнен и темен, количество «мест» — более 25, но число 16 встречается в Старообрядческой Риторике в 5-ти беседах (1706—1712), где выговскими старообрядцами был обобщен опыт других риторик. Несомненно, Ломоносов пользуется отчасти другой терминологией, но главное изменился стиль и введены некоторые новаторские части, например в описании «жизненных свойств».

2. В заключительной части первого руководства 1743 г. «О произношении», исключенной из печатного варианта 1747 г., Ломоносов сохраняет предмет описания, но меняет стиль и состав примеров. Так, известное рассуждение «...радостную материю веселым, печальную плачевным, просительную умильным, высокую великолепным и гордым, сердитую произносить гневным тоном» (с. 78) соотносится с подобными местами у Стефана Яворского и его переработчиков — выговских старообрядцев. В Риторике в 5-ти беседах это место касается не голоса, но лица ритора: «Разсуждати убо подобает ритору, что и о чем глаголет: да страшная глаголюще и сам лицем страшен будет, в словесех смиренных — смирен, во любовных — любовен, во веселых — радостен, скорбен да явится во скорбных» (ГИМ, собр. Уварова, 4^о, № 318, л. 203).

То же самое касается правил голосоведения и телесной пластики. У старообрядцев первое правило было «о гласе: яко

подобает иногда <...> во высоту возводити, иногда низу преклоняти, иногда скор, иногда косен имети, иногда гремящий, иногда тишайший произносити» (л. 203) — то же требование гармоничного голосоведения находим у Ломоносова: «Слово должно произносить голосом чистым, непрерывным, не грубым, средним, то есть не очень кричным или весьма низким, равным, то есть не надлежит вскрикивать вдруг весьма громко и вдруг книзу опускаться, и, напротив того, неприлично произносить одном тоном, без всякого понижения или повышения, но, как произносимый разум требует, умеренно повышать и понижать должно и голос» (с. 78). Характерно также совпадение в окончании рассуждений. У старообрядцев: «Вся же сия гласа различие по рассуждению вещей глаголемых устроевати требе» (л. 203) — у Ломоносова: «И, словом, голос свой управлять должен ритор по состоянию и свойствам предлагаемая материи» (с. 78).

Пластическое поведение («действие»), по мнению старообрядцев, «содержится в лице, наипаче же в руках» (л. 203). Ломоносов, сохранив принцип описания, расширяет объем возможностей «искусственных риторов», которые «изображают (речь) купно руками, очами, головою и плечьми». В традиции было описание знаков телесной символики. Так, у старообрядцев: «во удивлении лепо есть руце выспрь возносити и лице такожде, очима горе взирающе непреклонно во усомнении и недоумении лице и руце низу обращенны держати подобает» и т. д. (л. 203). Подобное описание при ином истолковании знаков телесной символики находим у Ломоносова: «Протяженными кверху обеими руками лили одною приносят богу молитву или клянутся или присягают; отверщенную от себя ладонь протягая, увещевают и отсылают... Очи кверху возводят в молитве и восклицании, отвращают при отрицании и презрении...» (с. 78—79).

Предмет сопоставления текстов Ломоносова и риторик петровского времени не исчерпывается сказанным. Для продолжения исследований требуется введение последних в активный научный оборот, иначе говоря, публикация русских рукописных риторик, начиная с Риторики 1620 г. и продолжая риториками М. Усачева, С. Лихуда, С. Яворского, А. Белобоцкого, Козмы Афонаинверского, сочинениями старообрядцев.

Подводя предварительные итоги относительно проявления ранних русских риторик в руководствах М. В. Ломоносова, можно сказать следующее.

1. Ломоносов, несомненно, изучал и знал предшествующие ему учебники риторики в русской традиции — он мог получить это знание как в юности (при посещении Соловецкого монастыря или иным путем), так и в зрелом возрасте. Скорее всего,

учебники риторики имелись в тех библиотечных собраниях, которыми он пользовался.

2. Сопоставление текстов показывает, что Ломоносов во вступительной части руководств активно пользуется идеями М. Усачева (определение риторики, способы обучения риторике), Н. Спафария (происхождение слова «риторика»), первой русской Риторики 1620 г. (определение ритора), Риторики Козмы Афонаинверского (1710) (рассуждение о риторической «материи» и необходимости знания наук). Очевидны сходства в перечне общих мест и объяснении принципов произношения и телодвижения со Старообрядческой Риторикой в 5-ти беседах в первом варианте руководства 1743 г.

3. Ломоносов сохраняет построение «частей» риторики, т. е. не посягает на исторически сложившийся предмет науки, но принципиально обновляет содержание и стиль руководств. Там, где Ломоносов заимствует мысли предшественников, он предлагает их либо в стилистико-синонимической переработке, либо со значительными собственными добавлениями. В отдельных местах, позаимствовав лишь саму идею или принцип (например, сами «средства приобретения красноречия», уже по-иному именованные, или идею «знания наук»), Ломоносов самостоятельно разрабатывает знание, полученное ранее.

4. Несмотря на значительные совпадения с некоторыми предшествующими риториками, едва ли стоит предполагать, что Ломоносов пишет свои руководства, имея перед глазами, например, Риторику М. Усачева. Скорее всего, это прочное знание, полученное в процессе внимательного чтения и изучения этих риторик — результат, выражаясь словами самого Ломоносова, «душевных дарования: остроумия и памяти» — «доброй земли к посеванию чистого семени» для произрастания нового учения.

Риторическая мысль Ломоносова в освоении идей предшественников прошла сложный творческий путь: если в 1743 г. он только начинает перерабатывать риторики петровского времени (ср. само определение риторики), то в 1747 г. Ломоносов предлагает уже систему «словесных наук», называя ими «риторику, ораторию и поэзию». Именно к 1747 г. относится рождение научного термина «красноречие», которое понимается как «искусство» (в отличие от риторики — «учения» и «правил») и как состав текстов словесности («оба красноречия: оратория и поэзия»). Ломоносову принадлежит честь сложения системы словесных наук (очевидно, что в нее входит также грамматика), которая оказалась влиятельной вплоть до формирования научного языкоznания и литературоведения конца XIX в.¹⁹

Примечания

- 1 *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к риторике. Приложения // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 19—79, 790—800.
- 2 *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. Приложения // Там же. С. 89—378, 805—839. Далее цитаты приводятся в тексте с указанием в скобках страницы.
- 3 *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.
- 4 Там же. С. 61.
- 5 Там же. С. 60.
- 6 См. подробно: *Аннушкин В.И.* Редакции «Риторики» начала XVII века // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 234—249; *Он же.* Создание начальной редакции первой русской «Риторики» XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1993. С. 16—22.
- 7 Историю текста и публикацию памятника см.: *Аннушкин В.И.* Старообрядческая Риторика в 5-ти беседах // Мир старообрядчества. Вып. 3. М., 1996.
- 8 *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 73.
- 9 Каталог русских рукописных риторик опубликован автором данной статьи в журнале «Риторика» (1996. № 3).
- 10 *Вомперский В.П.* Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.
- 11 Там же. С. 201—204.
- 12 *Вомперский В.П.* Риторики в России XVII—XVIII вв. М., 1988; *Елеонская А.С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990.
- 13 *Бабкин Д.С.* Русская риторика XVII века // ТОДРЛ. Вып. 8. Л., 1951. С. 252—253.
- 14 *Вомперский В.П.* Стилистическое учение М.В. Ломоносова... С. 188—189.
- 15 *Вомперский В.П.* Риторики в России XVII—XVIII вв. С. 70—72.
- 16 Там же. С. 70.
- 17 *Николай Спафарий.* Эстетические трактаты. Подготовка текстов и вступительная статья О.А. Белобровой. Л., 1978. С. 25—41.
- 18 *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 371.
- 19 Более подробно с текстами риторик петровского времени, содержанием предмета русской риторики и основной терминологией словесных наук можно познакомиться в недавно вышедшей книге: *Аннушкин В.И.* История русской риторики. Хрестоматия. М., 1998.

Résumé

The author of the article investigates links between the texts of Lomonosov's guides to rhetoric with the yet unpublished manuscript rhetoric books of late 17th — early 18th centuries. As becomes evident, Lomonosov had excellent knowledge of Russian manuscript rhetoric books, creatively reformulated many basic statements from guides by Mikhail Usatchov (1699) (the definition of rhetoric, ways of teaching eloquence), Kozma Afonoiversky (1710), Nicolas Spafarius (the definition of a rhetorician) and even of the first Russian «Rhetoric» (1610). The study of texts of manuscript rhetoric books contrasted with Lomonosov's famous works shows how the Russian scholar, having absorbed his predecessors' experience and knowledge, skilfully creates terminology of Russian philological science.